

UNIVERSITY
LIBRARY

27233.67

СВАДЬБЫ

и

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ

у МАЛОРОССОВЪ и ВЕЛИКОРОССОВЪ

м. Дмитровки Александрійскаго у. (Херсонской губ.).

С О Б Р А Л Ъ

Священникъ ГАВРИИЛЪ СОРОКИНЪ.

Gavriil Sorokin

Изданіе редакціи Журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1891 Г.

СВАДЬБЫ И СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ У МАЛОРОССОВЪ И ВЕЛИКОРОССОВЪ М. ДМИТРОВКИ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО У. (ХЕРСОНСКОЙ ГУБ.).

Собралъ

священникъ Гавріилъ Сорокинъ.

Предисловіе.

Образцомъ въ настоящей работѣ для меня послужили „Свадебныя пѣсни въ елисаветградскомъ уѣздѣ“, записанныя Еленю Марковичъ. („*Стенъ*“. Херсонскій беллетристичный сборникъ, изд. 1886 г.),

Собирая предлагаемыя ниже пѣсни, я записывалъ тѣ, которыя были или своеобразны и совершенно самостоятельны по содержанію, или представляли варианты. Тѣ-же, которыя дословно приведены въ трудѣ г-жи Марковичъ, я не буду приводить, а ограничусь только указаніемъ страницы и № въ вышеуказанномъ трудѣ.

Кромѣ пѣсенъ малороссійскихъ, я нашелъ необходимымъ собрать и записать пѣсни, которыя поются на свадьбахъ у великороссовъ. Думаю, что это представитъ интересъ въ виду того обстоятельства, что населеніе м. Дмитровки состоитъ изъ двухъ, почти равныхъ частей: малороссовъ и великороссовъ. Мнѣ кажется, что еще никто не собиралъ свадебныхъ пѣсенъ великороссовъ, живущихъ въ херсонской губ.

Великороссы живутъ въ Дмитровкѣ съ конца прошлаго столѣтія. Вотъ уже сто лѣтъ прошло, а у насъ есть нѣсколько улицъ, на которыхъ живутъ исключительно великороссы и между ними не встрѣтите ни одного семейства малороссовъ, и наоборотъ.

За послѣдніе 3—4 года, новыя мѣста для усадьбъ выходящимъ изъ семейства начали давать безъ различія народности; на такъ называемыхъ „новоселицяхъ“ рядомъ съ малороссомъ селится великороссъ, тогда какъ раньше этого времени ни за что малороссъ не согласился-бы занять мѣсто рядомъ съ великороссомъ и наоборотъ.

Великороссы прежде почти не выходили изъ семьи, и только недавно стали подражать малороссамъ, выдѣляя сыновей. Еще много есть семействъ, въ которыхъ вмѣстѣ живутъ три—четыре брата, имѣющихъ даже внуковъ. Великороссы многое заимствуютъ у малороссовъ и больше всего сохранили свою народность въ свадебныхъ обрядахъ, да и то въ нѣкоторыхъ частностяхъ, даже въ пѣсняхъ, замѣтно малороссійское вліяніе. Вотъ почему я нашелъ необходимымъ сообщить обряды и пѣсни тѣхъ и другихъ. Свадебныя пѣсни великороссовъ сообщаю всѣ, какія только могъ собрать.

О заимствованіяхъ малороссовъ и великороссовъ другъ у друга въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ говорить здѣсь я не буду.

Свящ. Г. Н. Сорокинъ.

I. Свадьба у малороссовъ.

Если на семейномъ совѣтѣ отецъ, мать и сынъ порѣшили, что послѣднему нужно жениться, то отецъ приглашаетъ одного или двухъ человѣкъ изъ хорошихъ своихъ пріятелей, людей опытныхъ и толковыхъ, быть старостами. Если у сына нѣтъ раньше на примѣтѣ невѣсты, то совѣтуются со старостами куда идти и, намѣтивъ невѣсту, которая по общему сужденію окажется подходящей, отецъ и мать приглашаютъ еще двухъ человѣкъ сосѣдей, снимаютъ икону и благословляютъ сына. Затѣмъ отецъ подноситъ по рюмкѣ водки присутствующимъ, а мать идетъ къ сосѣдямъ и занимаетъ ржаной хлѣбъ, съ которымъ отправляетъ старостовъ съ женихомъ. Хлѣбъ долженъ быть занятъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что съ чужимъ—занятымъ хлѣбомъ, скорѣй можно высватать, а со своимъ навѣрное откажутъ. Въ домъ невѣсты входятъ только старосты, а женихъ остается подъ окномъ.

Поздоровавшись съ хозяевами, старосты говорятъ, что они охотники и увидѣли, какъ во дворъ невѣсты забѣжала лисица, а потому просятъ позволенія поискать.

Отецъ невѣсты, сообразивши въ чемъ дѣло, отвѣчаетъ: „если у васъ хортъ хорошъ, то онъ самъ найдетъ!“

Потомъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: отъ кого они присланы, изъ какого роду женихъ, не родственники-ли они ему? Если нѣтъ, то разспрашиваетъ много, если-же окажутся родственниками—то мало. Старосты просятъ дать отвѣтъ; отецъ никогда положительно не отвѣчаетъ, а зоветъ дочь, которая, замѣтивши, что пришли старосты, старается раньше, пока отецъ разговариваетъ съ ними, сказать матери, согласна она или нѣтъ, потомъ приходитъ, становится возлѣ печи и обязательно „колупаетъ коминъ“, на предложеніе старостовъ она отвѣчаетъ уклончиво, ссылаясь на отца, который иногда проситъ день—два сроку подумать. Въ такихъ случаяхъ женихъ и не входитъ, а старосты оставляютъ хлѣбъ и уходятъ; но, обыкновенно, послѣ уклончиваго отвѣта невѣсты, отецъ говоритъ старостамъ, чтобы они пригласили жениха въ хату, посмотрѣть каковъ онъ изъ себя. Женихъ входитъ, кланяется всѣмъ, невѣста отходитъ отъ печи и выказываетъ намѣреніе выйти изъ хаты, и если на поклонъ жениха подастъ ему руку, то это служить вѣрнымъ признакомъ, что она согласна, а если только поклонится и выйдетъ изъ хаты, то это означаетъ положительный отказъ.—При согласіи, отецъ и мать снимаютъ тотчасъ икону и благословляютъ жениха и невѣсту, которые становятся рядомъ и бьютъ три поклона предъ иконою и цѣлуютъ её, потомъ цѣлуютъ отца и мать въ губы и руки, наконецъ, цѣлуютъ хлѣбъ, который принесли старосты. Мать съ невѣстой достаютъ изъ *скрини* рушники или платки, невѣста кладетъ ихъ на деревянную тарелку и прежде всего перевязываетъ жениху руку. Женихъ бросаетъ на тарелку не менѣе 30 коп., иногда рубль, смотря по достоинству подарка, хотя старается дать больше, чѣмъ стоитъ подарокъ; если онъ сложитъ меньше стоимости, невѣста можетъ принять за насмѣшку и могутъ выйти непріятности; потомъ невѣста перевязываетъ старостовъ чрезъ плечо, они тоже

бросаютъ деньги: 2—3 коп., рѣдко 5—10, хотя-бы рушникъ стоилъ больше рубля.

Невѣста съ женихомъ идетъ тогда-же къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, приглашаетъ ихъ на заручины, равно какъ и самыхъ близкихъ сосѣдей. Пока родственники и сосѣди сойдутся, женихъ съ невѣстой идутъ за водкой, которую покупаетъ женихъ, не менѣе кварты или $\frac{1}{4}$ ведра.

Прежде чѣмъ пить водку, благословляютъ опять жениха и невѣсту иконою въ присутствіи собравшихся, съ которыми они цѣлуются; собравшіеся садятся за столъ, а женихъ съ невѣстой выходятъ во дворъ, или на огородъ, гдѣ разговариваютъ, при этомъ невѣста беретъ въ *пазуху насиння* и угощаетъ жениха. По окончаніи пирушки, старосты, оставаясь перевязанными, идутъ съ женихомъ къ его отцу. Идутъ по улицѣ медленно, чтобы обращали на нихъ больше вниманія, гордясь удачей.

На слѣдующее утро отецъ жениха приглашаетъ отца и мать невѣсты, которые берутъ хлѣбъ и вѣстѣ со своими ближайшими родственниками идутъ на сватовство, или такъ называемыя *розглядыни*. У жениха собираются и его ближайшіе родственники и сосѣди, обѣдаютъ и цѣлый день пьютъ водку (на сватовствѣ выпивается 2—3 ведра водки); условливаются о времени вѣнчанія и свадьбы, затѣмъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ и тамъ заканчиваютъ сватовство. Если женихъ изъ другого селенія, то все-таки къ нему ѣдутъ отецъ и мать невѣсты съ самыми ближайшими родственниками. Предъ днемъ вѣнчанья женихъ ищетъ себѣ боярина, а невѣста дружку. Благословляютъ въ путь къ вѣнцу въ домъ жениха и въ рѣдкихъ случаяхъ у невѣсты (если послѣдняя изъ другого селенія). Послѣ вѣнца идутъ обѣдать къ жениху, даже въ тѣхъ случаяхъ, если женихъ изъ другого села. Обѣдаютъ самымъ скромнымъ образомъ; съ невѣстой, кромѣ дружки, никого не бываетъ съ ея стороны. За обѣдомъ выпиваютъ не болѣе какъ по двѣ—три рюмки. Къ вечеру женихъ провожаетъ невѣсту домой, гдѣ и самъ остается ночевать. Все время отъ вѣнчанія до свадьбы,

которая бывает не ранѣе какъ чрезъ двѣ—три недѣли, женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Дня за три до свадьбы, невѣста приглашаетъ дружекъ и молодыхъ женщинъ печь коровай, шишки, лежни и калачи. Дружки однѣ, безъ молодыхъ женщинъ, не могутъ печь коровай. Когда готовятъ коровай и шишки, то поютъ, кромѣ помѣщенныхъ подъ №№ 11, 12 и 13 въ „Степу“, стр. 170 и 171, слѣдующую пѣсню:

1.

„Нихто не вгадае,
Що въ нашимъ короваю.
Три мирочки перцю,
А четверта инберцю.
А пята шамраю,
Що въ нашимъ короваю!

Когда посадятъ коровай въ печь, то двѣ молодые женщины и двѣ дѣвки крестообразно, женщина противъ женщины, дѣвка противъ дѣвки, берутъ дижу и поютъ:

2.

Пичь стоитъ на сохахъ,
А дижу носятъ на рукахъ;
Пичь наша, пичь, пече,
Хорошенько коровай спече!
Кучирявый пичь вымита,
А кучирява въ пичь загляда;
Ой де-бъ мини систи
На счастливымъ мисти?

Когда спекутся коровай и шишки, мать невѣсты даетъ каждой дѣвкѣ и женщинѣ по 6 пишекъ, которыхъ пекутъ не менѣе 200. Въ субботу утромъ сходятся приглашенные дивчата, сажаютъ невѣсту на кожухъ, старшая дружка расплетаетъ ей косу, а дивчата поютъ ¹⁾: (Степъ, № 14-й).

¹⁾ Николайчикъ. Кіевск. Стар. стр. 379.

Потомъ надѣвають цвѣты, берутъ шишки и новѣста идетъ съ дружками обѣдать къ жениху; послѣ обѣда, выходя изъ дома поютъ:

3.
Якъ булы мы у пана,
Була намъ добра шана;
Пили мы горилку
За Наталку дивку.
Зозуле, зозуленько,
Чего встаешь раненько?
Чого плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не куваты?
Одного зозуля мала,
Тай того утерала!

Ты, Наталчина ненька,
Чего встаешь раненько?
Чего плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не плакаты?
Одну дочечку мала,
Та-й ту утерала:
Изъ поля робитницю,
Отъ печи топилницю,
Отъ коровъ коривницю,
Отъ коморы клюшницю,
Отъ серця розлучницю!

Тогда идутъ по селу приглашать на свадьбу; поютъ, кромѣ
ММ: 16, 17, 18, 19 и 25 (Степъ), слѣдующія:

4.
Нейдить дружечки тыхо,
Крешить пидкивками,
Якъ небо зирками.
Ой загулы голубоньки,
У садъ литючи;
А за ними Наталка,
У слидъ плачучи.
Ой верниця, голубоньки,
Я вамъ щось скажу,
Вернить мое дивовання,
Я вамъ заплачу.
Не вернемось, не вернемось,
Бо знаємъ чого,
Булобъ тоби шануваты
Батенька свого;
Булобъ тоби нейты замижъ,

Тай ще погулять,
Булобъ тоби здоровячко
Пошанувать!
Чи далеко, голубоньки,
Залетите,
Чи далеко дивовання
Тай занесете?
Полетимо мы, Наталко,
Въ чисте поле,
Занесемо мы дивовання
Въ сыне море.
Полетимо мы, Наталео,
У чужій край,
Та вкинемо дивовання
У тихый Дунай!
Полетить, голубоньки,
У мій садочокъ,

Та знимить изъ яблони
 Мій цвнточекъ;
 Та понесить неньци .
 У кимнату,
 Та повисють цвнточекъ
 Надъ кроватью!
 Устане моя ненька,
 Тай буде узпавать,
 Тай буде мій цвнточекъ
 Слизьмы обливать!

5.

Ой на шо ты, Наталко, уповала
 Що ты соби Ивана сподобала:
 Чи на ёго два коньки воронье
 Чи на ёго два жупаны голубые!
 А е въ ёго два коньки,
 Тай то не ёго;
 А е въ ёго два жупаны,
 Та брата ёго,
 А е въ ёго три перстени,
 То сестрици ёго!
 А въ ёго молодого,
 Нема ничего.
 Биле лычко, чорны бровы
 То тильки ёго!
 Два коньки воронье
 Пидыббюцца,
 Два жупаны голубые
 Подоруцца,

Лита твои молодые
 Не вернуцца!

6.

Ой зацвили полуцвнты
 По крутій гори,
 Усю гору камьяную
 Устылылы!
 Тильки одну дорнженьку
 Пропустылы.
 Туды йшла Наталка
 Зъ дружечками,
 А за нею Иванко
 Зъ буярами.
 Пидожды ты, Наталко,
 Не чїл—моя!
 Вона стала—отгадала:
 Ще я не твоя!
 Ще я въ свого батька—паняночка,
 А ты у свого—панъ,
 Шукай соби паняночки
 Такои, якъ самъ!
 Й выходывъ—й выиздывъ
 Села города,
 Та не найшовъ паняночки,
 Якъ ты молода!
 Й выходывъ й выиздывъ
 Увесь билый свить,
 Та не найшовъ паняночки,
 Якъ ты, рожевий цвнть!

Возвращаясь домой съ обходу, поють:

7.

Росты верба вгору,
 Мы идемо до дому,

До своей неньки,
 Де столы повненьки! ¹⁾

Вечеромъ невѣста возвращается домой, дружка обращается къ дружкѣ, который находится тутъ, до прихода невѣсты:

„Старосто, пѣне старосто!
 Благословить молоду за стиль завести“.

Даетъ „хустку“ въ руки невѣсты и ведетъ; а дивчата поютъ:
 № 32 ²⁾ (Степъ) по полнѣ:

8.

А той посадъ
 Пысарь пысавъ
 Й маляръ змалюнавъ:
 Темной ничи
 Коло свичи,
 Яснаго сонця
 Коло виконьця! ³⁾

Затѣмъ благословляются „гильце выть“, которое украшаютъ конфетами, пряниками, орѣхами и проч.; при этомъ дивчата поютъ „Степъ“ №№ 34, 35, 36 и 34 и еще:

9.

Ой де-жъ ты, сосно, изросла,
 Тыхымъ Дунаемъ приплыла.
 Наталка на столи зацвила.

¹⁾ Потомъ какъ и въ Степъ, № 28.

Не гнивайся, моя ненько, на мене,
 Шо я веду усю челядь до себе!
 Я-жъ тебе, дочко, не лаю,
 Я жъ твою усю челядь приймаю.

И еще № 30 Степъ стр. 178.

²⁾ Иде Палижка на посадъ,
 Зошричавъ ии Господь самъ,
 И зъ долею зъ щастливою,
 И зъ доброю годиною.

³⁾ Ср. Чубинскій, № 239.

Гильце-деревце изъ ялыны,
 Тай зъ червонои калыны,
 Тай зъ зелененькихъ вышинець,
 Тай зъ червоненькихъ ягідокъ,
 Тай зъ зеленого терныку,
 Тай зъ хрещатого барвинку.

Когда гильце готово, то поють:

10.

Була зима—була зима,	Ходить, ходить, подружки,
Та стала весна;	Тай квичайтесь!
Насіяла чернобрывцівъ,	Ой якъ-же намъ росцвітаться,
Тай замижъ пишла.	Туманъ наляга;
Ростить, ростить, чернобрывци,	Ой якъ-же намъ квичатися
Тай росцвітаетесь;	Подруги нема! ¹⁾

Затѣмъ начинается „дивычъ—вечиръ“, во время котораго дивчата поють:

11.

Жалуй мене, моя пенько,
 Жалуй та не лай,
 Та вь чужую стороненьку
 Замижъ не давай.
 Бо чужая стороненька
 Безъ витру шумить;
 Чужій батько—чужа пенька
 Не бьють—та болить,
 Якъ увійде у свитлоньку
 Тай загомонить,
 А у мене, молодон,
 Серденько заболить,
 Що чужая дытлонька

Ничимъ не вгодить:
 Ни мыскою, ни ложкою, ни водою,
 Ни своєю дивоцькою красотою!

12.

Чи мы тобі, Наталко, не казали,
 Чи мы твого серця не втишали,
 Нейды, нейды, тай до броду
 Рано по воду.
 Та не слухай голубонькивъ,
 Де два загудуть,
 Вони тебе, молодую, тай израдять,
 Одъ батенька до свекорка переманять.

¹⁾ Ср. Чубинскій, № 141.